

Редьярд Киплинг

В горной Индии (сборник)

Редьярд Киплинг
В горной Индии (сборник)

«Public Domain»

1888

Киплинг Р. Д.

В горной Индии (сборник) / Р. Д. Киплинг — «Public Domain»,
1888

«...Лиспет была хорошей христианкой и, когда выросла, не отступилась от христианства, как делают многие горные девушки. Земляки ненавидели её за то, как они говорили, что она сделалась «белой женщиной» и каждый день умывалась, а жена капеллана не знала, что ей с ней делать. Нельзя заставлять мыть тарелки и блюда стройную богиню, ростом в пять футов и десять дюймов. Лиспет играла с детьми капеллана и училась в воскресной школе, перечитала все книги, какие были в доме, и с каждым днём хорошела, словно царевна в волшебных сказках. Жена капеллана говорила, что ей следует поступить няней в Симле или устроиться на какое-нибудь «порядочное» место. Но Лиспет не желала поступать в услужение. Она была счастлива и там, где жила...»

© Киплинг Р. Д., 1888

© Public Domain, 1888

Содержание

Лиспет	6
Заброшенный	9
Саис мисс Югхель	14
Посчастливилось	18
Последствия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Редьярд Киплинг В горной Индии (сборник)

* * *

Лиспет

Она была дочерью горца Сону и Джадех, его жены. Один год случился неурожаем маиса, а на их единственном маковом поле, как раз над долиной Сэтлэджа, на Котгархской стороне, провели ночь два медведя. Поэтому в следующем году Сону с женой стали христианами и принесли своего ребёнка в христианскую миссию крестить. Котгархский священник окрестил девочку Елизаветой, или, как произносят горцы-пахари, Лиспет.

Через несколько лет после этого Котгархскую долину посетила холера и унесла Сону и Джадех, а Лиспет сделалась полуслужанкой, полукомпаньонкой жены котгархского священника. Это было после воцарения моравских миссионеров в тех местах, но до того, как Котгарх позабыл своё название «Владычицы северных гор».

Не знаю, христианство ли так усовершенствовало Лиспет, или боги её страны одарили её этим свойством, которому было суждено проявиться при каких угодно обстоятельствах, только она выросла прелестной девушкой. Если горная девушка красива, то стоит пройти пятьдесят миль по плохой дороге, чтобы взглянуть на неё. У Лиспет было греческое лицо, одно из тех лиц, которые люди рисуют так часто и видят так редко. Цвет её лица был бледный, как слоновая кость, и для своего племени она была необыкновенно высока. Глаза у неё были также чудные, и не одевайся она в отвратительное ситцевое платье, столь любимое миссионерами, вы бы могли, встретясь с ней неожиданно в горах, принять её за саму римскую Диану, вышедшую на охоту.

Лиспет была хорошей христианкой и, когда выросла, не отступилась от христианства, как делают многие горные девушки. Земляки ненавидели её за то, как они говорили, что она сделалась «белой женщиной» и каждый день умывалась, а жена капеллана не знала, что ей с ней делать. Нельзя заставлять мыть тарелки и блюда стройную богиню, ростом в пять футов и десять дюймов. Лиспет играла с детьми капеллана и училась в воскресной школе, перечитала все книги, какие были в доме, и с каждым днём хорошела, словно царевна в волшебных сказках. Жена капеллана говорила, что ей следует поступить няней в Симле или устроиться на какое-нибудь «порядочное» место. Но Лиспет не желала поступать в услужение. Она была счастлива и там, где жила.

Когда путешественники – их было немного в эти годы – заезжали в Котгарх, она обычно запиралась в своей комнате, боясь, как бы её не увезли в Симлу, к незнакомым людям.

Однажды, когда Лиспет уже было семнадцать лет, она пошла прогуляться. Она не гуляла, как гуляют английские дамы, уходя мили за полторы, а затем возвращаясь назад в экипаже или верхом. Она проходила миль двадцать – тридцать во время своих прогулок ради мощи – она между Котгархом и Нархундой. В этот раз она вернулась уже в сумерки, спускаясь с крутого склона, неся что-то тяжёлое в руках. Жена священника дремала в гостиной, когда Лиспет вошла, еле переводя дух, тяжёлой поступью, выбившись из сил со своей ношей. Она положила её на стол и сказала просто:

– Это мой муж. Я нашла его на дороге в Баги. Он расшибся. Мы выходим его, а когда он выздоровеет, ваш муж повенчает нас.

Впервые Лиспет высказала свои взгляды на замужество, и жена капеллана вскрикнула от ужаса. Однако необходимо было прежде всего заняться человеком, лежавшим на диване. Это был молодой англичанин, и на голове у него была рваная рана. Лиспет сказала, что она нашла его на склоне холма и принесла домой. Он как-то странно дышал и был без сознания.

Его положили в постель, и священник, кое-что понимавший в медицине, перевязал его рану, а Лиспет стояла за дверью на тот случай, если бы понадобилась её помощь. Она объяснила священнику, что намеревается выйти замуж за этого человека, и священник с женой прочли ей строгую проповедь по поводу такого неприличного поведения. Лиспет выслушала спокойно и подтвердила своё намерение. Нужна большая доза христианского чувства, чтобы искоренить

дикие восточные инстинкты, например, такие, как способность влюбляться с первого взгляда. Найдя человека, достойного её преклонения, Лиспет не понимала, для чего ей молчать о сделанном ею выборе. Она также не намеревалась уходить из Котгарха. Она собиралась ухаживать за этим англичанином, пока он не поправится настолько, что сможет жениться на ней. Такова была её программа.

После двухнедельной лёгкой лихорадки из-за воспаления раны англичанин пришёл в сознание и благодарил капеллана, его жену и Лиспет за их доброту. Он рассказал, что путешествовал по Востоку – в то время, когда компания Восточного пароходства была молода и имела мало судов и термин «глобтроттер» ещё не был известен – и пришёл из Дэра Дена, собирая растения и бабочек в горах Симлы. Таким образом, в самой Симле путешественника никто не знал. Он предполагал, что свалился со скалы, стараясь достать папоротник, росший на сгнившем древесном стволе, а носильщики-кули украли его багаж и убежали. Он намеревался, оправившись немного, вернуться в Симлу и больше уже не собирался продолжать лазать по горам.

Англичанин не спешил уходить и поправлялся медленно. Лиспет не слушала наставлений священника и его жены, поэтому последняя переговорила с англичанином и открыла ему сердечные дела Лиспет. Он долго смеялся и говорил, что это очень мило и романтично, но что у него уже есть невеста дома, так что он надеется, что все обойдётся благополучно. Он, конечно, будет вести себя благоразумно. И он сдержал своё обещание. Но беседы с Лиспет забавляли его: ему нравилось гулять с ней, нашёптывая ей милые вещи и называя её уменьшительными именами, в ожидании того времени, когда он окончательно поправится. Для него это не имело никакого значения, а для Лиспет значило все на свете. Она была бесконечно счастлива в продолжение этих двух недель, потому что нашла человека, которого полюбила.

Дикарка по рождению, она не пыталась скрывать своих чувств, и это забавляло англичанина. Когда он покидал миссию, Лиспет пошла его проводить по горам до Нархунды; она была грустна и несчастна. Жена священника, как добрая христианка и притом ненавидящая всякий намёк на скандал – Лиспет уже окончательно отбилась у неё от рук – посоветовала англичанину сказать Лиспет, что он вернётся, чтобы жениться на ней.

– Она ещё ребёнок, – говорила жена священника, – и, боюсь, в душе осталась язычницей.

Таким образом, на протяжении всех двенадцати миль, которые они прошли по горным дорожкам, англичанин, обняв за талию Лиспет, уверял её, что он вернётся и женится на ней, а Лиспет заставляла его повторять это обещание без конца. Стоя на Нархундском перевале, она плакала, пока англичанин не скрылся из глаз в Мутьянском проходе.

Потом она осушила слезы и вернулась в Котгарх, где сказала жене священника:

– Он вернётся и женится на мне. Он ушёл к своим, чтобы сказать им это.

И жена священника утешала Лиспет, говоря:

– Он вернётся, вернётся...

Когда прошло два месяца, Лиспет начала беспокоиться, и ей сказали, что англичанин уехал в Англию, за море.

Она знала, где Англия, потому что проходила начальный курс географии, но, конечно, как уроженка гор, не могла представить себе, что такое море. В доме нашлась старая карта полушарий. Лиспет ещё ребёнком играла с ней. Теперь она снова открыла её, раскладывала по вечерам и плакала над ней, стараясь вообразить себе, где находится её англичанин. Так как она не имела никакого понятия о пространстве и пароходах, то представление получалось у неё довольно путаное. Впрочем, будь оно и вполне правильное, большой разницы не было бы, потому что англичанин не имел ни малейшего намерения возвращаться, чтобы жениться на уроженке гор. Он и думать забыл о ней, гоняясь за бабочками в Ассаме. Впоследствии он написал книгу о Востоке, но имя Лиспет в ней не встречается.

По прошествии трех месяцев Лиспет стала ежедневно ходить в Нархунд, чтобы посмотреть, не идёт ли англичанин по дороге. Это успокаивало её, а жена священника, видя её пове-

селевшей, думала, что она наконец выбросила из головы «эту варварскую и неделикатную глупость». Но через некоторое время прогулки уже не приносили успокоения Лиспет, и она стала очень раздражительной. Жена священника выбрала подходящую минуту, чтобы открыть ей действительное положение вещей: что англичанин только ради её утешения обещал любить её, что другого у него и в мыслях не было, а со стороны её, Лиспет, даже глупо и неприлично думать о браке с англичанином, слепленным из глины высшего качества, а кроме того, уже помолвленным с девушкой своего племени. Лиспет отвечала, что все это невозможно, и ведь сама же она, жена священника, уверяла её, что англичанин вернётся.

– Как же может быть неправдой то, что сказали вы и он? – спрашивала Лиспет.

– Мы сказали это, чтобы только успокоить тебя, – отвечала жена священника.

– Стало быть, вы лгали, – заключила Лиспет, – вы оба?

Жена священника опустила голову и не ответила ничего. Лиспет молчала некоторое время, потом она пошла в долину и вернулась в одежде горной жительницы, невероятно грязной, но колец в носу и ушах у неё не было. Волосы свои она заплела в несколько тонких кос, перевитых чёрными нитками, как носят горные девушки.

– Я вернусь к своему народу, – сказала она. – Вы убили Лиспет. Осталась только бывшая дочь Джадех – дочь пахари и служительница Тарка Дэви. Все вы, англичане, лгуны.

Когда жена капеллана опомнилась от потрясения, испытанного ею при заявлении, что Лиспет вернулась к богам своей матери, девушки и след простыл, и её уже не видели больше в семье священника.

Она страстно полюбила жизнь своего нечистого народа, словно желая наверстать те годы, которые прожила вдали от него, и через некоторое время вышла замуж за дровосека, который бил её, по обычаю пахари, и её красота скоро поблекла...

– Нет такого закона, который помог бы вам предвидеть все сумасбродства язычников, – говорила жена священника, – и я уверена, что Лиспет в душе была всегда язычницей.

Принимая во внимание, что Лиспет была принята в лоно англиканской церкви в «зрелом» возрасте пяти недель, надо думать, что подобное заявление не делало чести жене священника.

Лиспет умерла старухой. Она всегда прекрасно говорила по-английски и, подвыпив, иногда соглашалась рассказать историю своей первой любви.

Трудно было тогда представить себе, что согбенное морщинистое существо, изношенное, как старая тряпка, та самая «Лиспет из Котгархской миссии».

Заброшенный

Неблагодарно воспитывать мальчика, как говорится, «под крылышком у родителей», если ему предстоит впоследствии жить вдали от семьи и самому пробивать себе дорогу. Разве одному из тысячи не придётся из-за этого испытывать массу совершенно излишних неприятностей, и следствием такого незнания настоящих жизненных условий может быть даже полное отчаяние.

Предоставьте щенку жевать кусок мыла у вашей ванны или лизать только что вычищенный сапог. Он будет лизать и жевать, пока не убедится, что от ваксы и душистого мыла ему делается очень скверно, после чего придёт к заключению, что вакса и мыло – вещи вредные. А любая большая дворовая собака покажет ему все неблагоприятные привычки вцепляться в уши больших псов.

Все это щенок запоминает, и к шести месяцам вступает в жизнь благовоспитанным зверьком, умеющим укрощать свои аппетиты. Подумайте сами, сколько трепок и болезней ему пришлось бы вынести впоследствии, если бы он не познакомился в детстве с мылом, сапогами и большими собаками и вздумал бы, повзрослев, когда у него уже окрепли зубы, испытать их силу. Применим это соображение к «воспитанию под крылышком» и посмотрим, какие получатся результаты. Сравнение, может быть, и не особенно изящное, но оно лучшее из двух зол.

Жил-был мальчик, выросший «под крылышком у родителей», и такой способ воспитания убил его. Он жил с родителями со дня своего рождения до часа, когда поступил, одним из первых по экзамену, в Сандхерстскую военную школу. Он был прекрасно обучен гувернёром всему, что требуется для получения хороших баллов, и про него говорили, что «он ни единого раза в жизни не огорчил ничем своих родителей». Знания, почерпнутые им в Сандхерсте, не выходили за пределы обычной рутины. Он стал осматриваться, и «мыло и вакса» пришлись ему по вкусу. Он поел их и вышел из Сандхерста, но уже не с такими высокими баллами, с какими поступил. Произошёл «антракт» и сцена с домашними, ожидавшими от него большего. Проживши год вдали от мира в каком-то третьестепенном резервном батальоне, где все низшие чины – дети, а высшие чины – старые бабы, он наконец отправился в Индию, где уже очутился без родительской поддержки и не мог ни на кого опереться в случае затруднения, кроме как на самого себя.

Но Индия, прежде всего, такая страна, где не следует относиться чересчур серьёзно к вещам, за исключением полуденного солнца. Слишком серьёзная работа и энергия убивают человека так же наверняка, как полное собрание пороков и постоянное пьянство. Лёгкое ухаживание не имеет значения, потому что переводы на другое место часты, и или он, или она уезжают со станции, чтобы никогда более не вернуться. Добросовестная работа в расчёт не принимается, так как о человеке судят по тому, что знают о нем дурного, а если он делает что-нибудь хорошее, то это приписывается другому. Плохая работа тоже не имеет значения, потому что другие люди делают хуже, и нигде плохие работники не удерживаются так долго, как в Индии. Развлечения не имеют значения, потому что, как только одно из них оканчивается, вы опять должны повторять его, и большинство увеселений состоит только в выигрывании денег у другого. И болезнь не имеет значения, потому что там она – дело обычное, а когда вы умрёте, другой человек займёт вашу должность и место в течение восьми часов между смертью и похоронами. На все смотрят легко, за исключением отпусков домой и получения жалованья, и то только потому, что они даются скупой. Это – вялая страна, где все работают несовершенными орудиями. И самая умная вещь, которую можно сделать, – это постараться вырваться куда-нибудь в такое место, где удовольствие действительно удовольствие и где добрая слава стоит того, кто ею обладает.

Но наш мальчик, приехав в горы, – старая уже это история, как сами горы – ко всему стал относиться серьезно. Он был недурён, и его баловали. Он баловство принимал также серьёзно и волновался из-за женщин, ради свидания с которыми не стоило бы седлать и пони. Новая жизнь на свободе в Индии нравилась ему. Привлекательными кажутся сначала, с точки зрения субалтерна, все эти гарцевания верхом, офицерские собрания, танцевальные вечера и т. п. Он попробовал всего этого, как щенок пробует мыло. Только опыт пришлось проводить поздно, когда все зубы уже выросли. У него не было чувства меры – совсем как у щенка – и он не понимал, почему к нему не относились с таким же почтением, какое он встречал под отеческим кровом. Это его обижало.

Он начал ссориться с другими молодыми людьми, сохранял в душе горечь, не мог забыть этих ссор, и они раздражали его. Ему нравилось играть в вист, в джимкана и т. п., вещи, которыми офицеры развлекаются после службы, но и ко всему этому он относился так же серьёзно, как относился серьёзно и к похмелью после выпивки. Он проигрывал в вист и джимкана потому, что они были для него внове.

К проигрышу он относился также серьёзно и потратил, например, массу энергии и интереса в игре на бегах местных пони, запряжённых в эцца, ставя по два золотых могура, будто то было дерби. Отчасти все это происходило вследствие неопытности – вроде войны щенка с углом ковра, а отчасти – от растерянности, которую он ощущал, попав из тихой семейной жизни в сравнительно более светливую и оживлённую среду. Никто не предупреждал его насчёт мыла и ваксы, так как обычно считается, что обыкновенный человек относится к подобным вещам с известной осторожностью. Жаль было смотреть, как мальчик надрывался, напоминая холёного жеребчика, который падает и ранит себя, вырвавшись у наездника.

Такое необузданное увлечение увеселениями, ради которых не стоило бы даже пошевелить пальцем, а тем менее надрываться, тянулось целых полгода – целое холодное время года, а затем мы начали надеяться, что жара, сознание утраты денег и здоровья и ослабевшие силы научат мальчика умеренности, и он остановится. В девяносто девяти случаях из ста так и бывает, и вы можете наблюдать это на всех индийских «станциях». Но в данном случае вышло иначе, потому что мальчик был впечатлительный и принимал вещи всерьёз, как я уже повторял несколько раз. Мы, конечно, не могли не знать, насколько его неумеренность отражалась на нем лично. По-видимому, не было ничего такого, что могло бы причинить ему особенные душевные страдания или выходило за пределы обычного. Может быть, его денежные дела были в некотором расстройстве и он нуждался в заботливом внимательном уходе, но память о его проступках изгладилась бы сама собой в один жаркий сезон, а банкир помог бы ему выпутаться из финансовых затруднений. Однако он, по-видимому, имел другую точку зрения и счёл себя погибшим безвозвратно. Когда холодное время кончилось, полковник сделал мальчику строгое внушение; он после этого окончательно пал духом, хотя это была самая обычная полковничья «головомойка».

Последующее служит любопытным примером того, как мы все связаны друг с другом и ответственны один за другого. Окончательный смертельный поворот в сознании мальчика совершился благодаря замечанию женщины. Нет надобности повторять его – это просто было несколько жестоких слов, брошенных мимоходом, сказанных необдуманно и заставивших его вспыхнуть до корней волос. Он никуда не показывался целых три дня, а затем взял на двое суток отпуск, чтобы отправиться на охоту возле дачи инженера-гидравлика на канале, милях в тридцати от станции. Он получил разрешение уехать, и в этот вечер был в собрании шумливее и придиричвее обыкновенного. Он говорил, что едет охотиться за «крупной дичью», и отправился в половине десятого в эцца – местной двуколке. Куропаток – единственную дичь, которая водилась вокруг дома инженера, – нельзя назвать крупной дичью, и поэтому все смеялись.

На следующий день один майор, вернувшийся из краткосрочного отпуска, услышал, что мальчик отправился на охоту за «крупной дичью». Майор принимал участие в молодом чело-

веке и уже не раз пытался образумить его. Услышав о предполагавшейся экспедиции, майор нахмурился и отправился в комнату молодого человека, где перерыл его вещи.

Выйдя оттуда, он застал меня как раз, когда я отдал свою карточку в офицерской столовой. Кроме нас, в передней не было никого.

Майор сказал:

– Мальчик отправился на охоту. Разве человек ходит на куропаток с револьвером и письменным прибором?

Я понял, что у него на уме, и ответил:

– Пустяки, майор!

Он возразил:

– Пустяки или не пустяки – я сейчас же отправлюсь на канал. Я сильно беспокоюсь. Подумав минуту, он прибавил: – Способны вы солгать?

– Вам лучше знать, – ответил я. – Такова моя профессия.

– Прекрасно, поедemте со мной сейчас же в экке к каналу на охоту за чёрными козами. Наденьте шикар (китель) и захватите ружьё.

Майор был человек положительный, и я знал, что он не станет отдавать приказаний попусту. Поэтому я повиновался и, вернувшись, увидел майора, укладывавшего в экку ружья и провизию – одним словом, все, что было нужно для охотничьей экспедиции.

Он отпустил возницу и взял вожжи сам. Проезжая мимо станции, мы двигались шагом, но, когда выехали на пыльную дорогу, майор погнал пони. Для туземной лошади нет ничего невозможного в критической ситуации. Мы пролетели тридцать миль меньше чем за три часа, но бедное животное еле держалось на ногах.

Дорогой я было спросил:

– Почему мы так отчаянно спешим, майор?

Он ответил спокойно:

– Мальчик был один четырнадцать часов! Говорю вам, у меня на душе беспокойно.

Его тревога передалась также мне, и я помогал погонять пони.

Когда мы доехали до домика инженера, заведующего каналом, майор позвал денщика молодого человека, но ответа не последовало.

Мы подошли к дому и звали мальчика по имени. Никто не отзывался.

– Он на охоте, – высказал я предположение.

В эту минуту я увидел в одно из окон горящую маленькую лампу с колпаком от ветра. Было четыре часа пополудни. Мы оба вышли на веранду, сдерживая дыхание, чтобы не проронить ни звука, и услышали в комнате «брр-брр-брр» – жужжание массы мух. Майор не сказал ничего, но снял шлем, и мы вошли неслышными шагами.

Мальчик лежал мёртвый на постели посреди пустой, выбеленной известью комнаты. Он раздробил себе голову выстрелом из револьвера. Ящики для ружей не были раскрыты, и постельные принадлежности не распакованы, а на столе стоял ящик с письменными принадлежностями и фотографическими карточками. Он ушёл умирать в нору, как отравленная крыса.

Майор тихо проговорил:

– Бедный мальчик! Бедняга! – Потом он отвернулся от постели и обратился ко мне:

– Ваша помощь нужна мне в этом деле.

Зная, что мальчик умер от собственной руки, я сразу догадался, в чем должна заключаться помощь, поэтому направился к столу, взял стул, зажёл сигару и начал просматривать содержимое письменного ящика. Майор смотрел мне через плечо, повторяя про себя:

– Опоздали! Словно крыса в норе! Бедняга!

Мальчик, вероятно, провёл половину ночи за письмами к домашним, к полковнику, к одной девушке на родине, а кончив все, покончил и с собой, так как, очевидно, смерть последовала задолго до нашего приезда.

Я прочёл все, написанное мальчиком, и передавал каждый лист майору.

Из этих бумаг мы увидели, как серьёзно молодой человек относился ко всему. Он писал о «несчастье, которое не в состоянии вынести», о «неизгладимом позоре», о «преступном безумстве», «потраченной без пользы жизни» и т. п. Затем в письме к отцу и матери заключались частные подробности, слишком священные, чтобы их можно было коснуться в печати. Письмо к знакомой девушке в Англии было самое трогательное, и у меня подступила к горлу судорога, когда я читал его. Майор даже не пытался скрыть наворачившихся слез. Я почувствовал к нему уважение за это. Он читал, покачиваясь, и попросту плакал, как женщина, не пытаясь сдержаться. Так ужасны, безнадежны и трогательны были письма. Мы забыли все безумства мальчика и только думали о бедняге, лежавшем без дыхания на постели, и об исписанных листках в наших руках. Невозможно было отправить эти письма по назначению. Они разбили бы сердце отца и убили бы мать, убив в ней предварительно веру в сына.

Наконец, майор вытер глаза, говоря:

– Нечего сказать, приятный сюрприз для семьи! Что нам делать?

Зная, зачем майор захватил меня, я ответил:

– Он умер от холеры. Мы были при нем. Мы не можем ограничиться полумерами. Пойдёмте.

Началась одна из самых мрачно-комических сцен, в какой мне когда-либо приходилось принимать участие, – составление длинной письменной лжи, подкреплённой фактами для успокоения родных мальчика. Я набросал общую схему письма, а майор вставлял местами подробности, в то же время собирая все написанное мальчиком и сжигая в камине. Был жаркий тихий вечер, когда мы начали, и лампа горела плохо. Наконец, я справился со своей задачей, к своему удовлетворению, выставив мальчика образцом всех добродетелей, любимцем всего полка, офицером, который мог рассчитывать на блестящую карьеру, и т. д. Я описал, как мы ухаживали за ним во время болезни – вы понимаете, что приходилось лгать так лгать, – и как он тихо скончался. Слезы подступали у меня к горлу, когда я подумал о беднягах, которые станут читать мою писанину. Затем я засмеялся над всей необычайностью этой выдумки. Всхлипывания слились со смехом, и майор заявил, что обоим надо чего-нибудь выпить.

Мне страшно выговорить, сколько виски мы выпили, прежде чем закончили письмо; а между тем это не оказало на нас ни малейшего влияния. Затем мы взяли часы, медальон и кольца умершего.

Наконец, майор сказал:

– Надо послать прядь волос. Женщины ценят это.

Однако возникла причина, не позволившая нам найти пряди, которую бы мы могли послать. К счастью, мальчик был брюнет, так же как и майор. Я отрезал ножом у последнего прядь волос над виском и положил в приготовленный пакет. Опять я поперхнулся, и мне пришлось остановиться. Майор чувствовал себя не лучше моего, а между тем мы знали, что ещё самое худшее – впереди.

Пакет с фотографиями, медальоном, кольцом, письмом и прядью волос был запечатан сургучом мальчика и его печатью.

Тогда майор сказал:

– Ради Бога, уйдём отсюда, из этой комнаты, и поразмыслим.

Мы вышли из дому и целый час ходили по берегу канала, закусывая привезённой провизией, пока не взошла луна. Теперь я знаю, как должен себя чувствовать убийца! Наконец, мы принудили себя вернуться в комнату, где горела лампа и лежала «та, другая вещь», и принялись за последнее дело. Я не стану описывать, что мы делали: это слишком ужасно. После того

как сожгли постель, мы бросили пепел в канал; то же сделали и с находившимися в комнате циновками. Потом я пошёл в деревню и раздобыл две большие лопаты – мы не желали, чтобы нам помогали крестьяне, а майор занялся... прочим. Нам понадобилось целых четыре часа, чтобы вырыть могилу. Во время работы мы задали себе вопрос, не следует ли прочитать все, что у нас в памяти из заупокойного богослужения, и решили, что прочтём «Отче наш» с прибавлением краткой, сочинённой нами самими, молитвы за упокой души умершего. После этого мы закопали могилу и вернулись на веранду, но не в дом, чтобы поспать. Мы устали до смерти.

Проснувшись утром, майор сказал недовольным тоном:

– Нам нельзя уехать раньше завтрашнего дня: надо ему дать время умереть прилично.

Помните, он умер сегодня утром на заре. Это покажется естественнее.

Вероятно, майор не спал всю ночь, придумывая.

– Почему же мы не привезли тело в лагерь? – спросил я.

– Народ попрятался, когда узнал, что это холера, а эка уехала, – ответил он, подумав минуту.

Это было совершенно верно: мы совсем забыли о пони, запряжённом в двуколку, и он преспокойно убежал домой.

Так мы провели весь этот удушливый день, вдвоём на даче инженера, повторяя рассказ о смерти мальчика, чтобы убедиться, что в нем нет слабого пункта. Под вечер зашёл туземец, но мы сказали ему, что сахиб умер от холеры, и он убежал. Когда стали сгущаться сумерки, майор высказал мне свои опасения относительно мальчика и его самоубийства, так что у меня волосы встали на голове дыбом. Он вспомнил, как сам в дни юности, будучи новичком в стране, чуть было однажды не спустился в эту же «долину теней», как мальчик. Поэтому он понимал, что творилось в бедной перебудораженной голове молодого человека. Он так же говорил, что молодёжь в минуту раскаяния склонна считать свои проступки более серьёзными и неизгладимыми, чем они есть на самом деле. Мы проговорили весь вечер, доискиваясь причины смерти мальчика. Как только луна взошла и покойник – как то должно было совершиться по выдуманному рассказу – был похоронен, мы направились в лагерь, куда пришли после двенадцатичасовой ходьбы, в шесть часов утра. Но, несмотря на свою смертельную усталость, мы не забыли зайти в комнату мальчика и вложить револьвер со всеми патронами в футляр, а также поставить письменные принадлежности на стол. Потом мы отправились к полковнику и доложили ему о смерти, чувствуя себя, больше чем когда-либо, убийцами. Наконец, мы улеглись и проспали целые сутки.

Рассказу верили, пока было нужно, потому что не прошло и двух недель, как все позабыли о мальчике. Однако находились люди, ставившие в вину полковнику, что он не устроил полковых похорон. Самой же грустной вещью было получение мной и майором письма от матери мальчика – письма, всего испещрённого чернильными потёками. Она трогательно благодарила нас за доброту и говорила, что до смерти будет нашей должницей.

В сущности, она была должницей, но не в том смысле, как подразумевала это.

Саис мисс Югхель

Есть люди, которые утверждают, что в Индии не бывает романов. Они говорят это совершенно напрасно. В нашей жизни столько романтического, сколько полагается. А иногда и больше.

Стрикленд служил в полиции, и люди не понимали его. Так, например, говорили, что он человек двуличный и служит нашим и вашим. В этом Стрикленд был виноват сам. Он придерживался необычной теории, что полицейский чиновник в Индии должен стараться знать туземцев так же хорошо, как они знают сами себя. И теперь в Индии есть только один человек, который может сойти и за индуса и за магометанина, за фокусника или факира, за кого угодно. Туземцы от Гора Катри до Джамма Мусджид боятся и уважают его, и про него говорят, что он обладает даром делаться невидимым и повелевать многими демонами. Однако индийское правительство не оценило его за все это.

Стрикленд был настолько легкомыслен, что взял себе этого человека за образец и, следуя своей фальшивой теории, бывал в самых грязных притонах, куда ни один порядочный человек не решился бы заглянуть, – среди самых подонков туземного населения.

В продолжение целых семи лет он готовил себя таким образом, и никто не оценил такой подготовки. Он постоянно присутствовал при всех туземных «колдовствах», в которые, конечно, не верит ни один человек, не лишённый здравого смысла.

Однажды, когда он был в отпуске, его посвятили в Аллагабаде в сат-бхаи, он знал песню ящериц и танец халли-хукк – что-то вроде религиозного канкана самого странного характера. Если человек умеет плясать халли-хукк и знает, когда и как и где плясать, то он, значит, знает кое-что, чем может гордиться. Стало быть, он знает самую суть вещей. Но Стрикленд не гордился, хотя однажды в Джагадри помогал рисовать «быка смерти», на которого англичанину не позволяется даже взглянуть. Он понимал воровской язык шангаров, поймал однажды без посторонней помощи конокрада Юзуфая близ Аттока, стоял под навесом кафедры одной из пограничных мечетей и служил, как какой-нибудь сунни-мулла.

Он достиг высшей точки своего совершенства, прожив одиннадцать дней факиром в садах Баба Атала в Амритсаре, собирая нити для раскрытия большого дела об убийстве Назибана. Но люди говорили, не без основания:

– Почему Стрикленд не может сидеть в своей канцелярии, вести свой журнал, толстеть и ни во что не вмешиваться, вместо того чтобы выставлять на вид неспособность своего начальства?

Так, например, раскрытие убийства Назибана не принесло ему никакой пользы в служебном отношении, но после первой вспышки досады он вернулся к своему привычному существованию, стараясь проникнуть во все потаённые уголки жизни туземцев. Раз почувствовав вкус к такому занятию, человек уже отдаётся ему всецело. Это – самое увлекательное из удовольствий, не исключая даже любви. В то время как другие служащие берут отпуск дней на десять, чтобы съездить в горы, Стрикленд употреблял свой отпуск на «щикар» – охоту, так он называл свои экскурсии. Он надевал костюм, какой нравился ему в данную минуту, смешивался с темнокожей толпой, и она на время поглощала его.

Он был спокойный смуглый молодой человек – скромный, черноглазый и – когда мысли его не были заняты чем-нибудь другим – интересный собеседник. Когда он говорил о прогрессе среди туземцев, его стоило послушать. Туземцы ненавидели Стрикленда, но и боялись его. Он знал слишком много.

Когда семья Югхель приехала на станцию, Стрикленд серьёзно, как делал все, влюбился в мисс Югхель, и она через некоторое время тоже влюбилась в него, потому что не могла понять его. Стрикленд обратился к родителям, но мистрис Югхель сказала, что не намерена бросать

дочь в самое дурно оплачиваемое ведомство империи, а старик Югхель в очень многословной речи дал понять, что ему не нравится деятельность Стрикленда и что он был бы очень благодарен ему, если бы он не говорил больше с его дочерью и не писал ей.

– Хорошо, – ответил Стрикленд, потому что вовсе не желал отравлять жизнь любимой девушке. После долгого разговора с самой мисс Югхель он совсем отступился.

В апреле Югхель уехали в Симлу.

В июле Стрикленд попросил трехмесячный отпуск по «неотложным домашним делам». Он запер свой дом, хотя ни один туземец ни за что на свете не коснулся бы вещей Эстрикин-сахиба, и отправился навестить одного из своих знакомых в Тарн-Таран.

Тут следы его затерялись, пока однажды на бульваре в Симле какой-то саис-слуга не подал мне записку следующего странного содержания:

«Дорогой старина. Вручи, пожалуйста, подателю сего ящик сигар, лучше если крепких № 1. Они – самые свежие в клубе. Заплачу, когда появлюсь снова на горизонте, теперь же я вне общества. Э. Стрикленд».

Я заказал два ящика и передал их саису, приказав кланяться. Этот саис был сам Стрикленд: он служил у старика Югхеля и ухаживал за арабской лошадей мисс Югхель. Бедняга соскучился по английскому табаку и знал, что я, во всяком случае, буду держать язык за зубами, пока все не кончится.

Вскоре мисс Югхель, любившая похвалиться своими слугами, начала рассказывать в домах, где бывала, о кладе – саисе, попавшемся ей, – о человеке, которому всегда хватало времени встать поутру и нарвать цветов к завтраку и который чернил, буквально ваксил, копыта своей лошади, как лондонский кучер! Арабская лошадь мисс Югхель была выхолена на славу. Наградой Стрикленду, т. е. Дулу, служили приятные вещи, которые мисс Югхель говорила ему во время прогулок. Её родители радовались, что она выбросила из головы глупое увлечение молодым Стриклендом, и хвалили её.

Стрикленд признает, что два месяца, проведённые им в услужении, были для него временем самой строгой умственной дисциплины, какую ему пришлось испытать в жизни. Уж не говоря о том, что в него влюбилась одна из жён его товарища саиса и пыталась было отравить его за то, что он не обращал на неё внимания, он должен был изо всех сил сдерживать себя, когда мисс Югхель уезжала на прогулку с кем-нибудь, кто ухаживал за ней, а ему приходилось ехать позади, держа попоны и слыша каждое слово! Точно так же ему приходилось держать себя в руках, когда на него кричал какой-нибудь полисмен у театрального подъезда, и особенно однажды, когда с ним грубо обошёлся один наик, которого он сам нанял в деревне Иссер-Джанг. Совсем же мучительно трудно было сдержаться, когда молодой субалтерн назвал его свиньёй за то, что он не слишком быстро посторонился.

Однако жизнь у Югхель также и вознаграждала его за многое. Стрикленд близко познакомился с обычаями и кражами саисов – так близко, что, будь он на службе, он мог бы привлечь к ответственности половину населения Пенджаба. Он сделался одним из лучших игроков в бабки, в которые все джампанисы и многие саисы играют, ожидая ночью господ у собрания или театра. Он научился курить табак, на три четверти состоявший из коровьего навоза, и набирался мудрости у старого саиса собрания Джемодара, в словах которого было много ценного. Он видел многое, что заинтересовало его, но заверял честным словом, что никто не в состоянии настоящим образом оценить Симлы, пока не посмотрит на неё с точки зрения саиса. Он также говорил, что, вздумай он описать все виденное, у него череп лопнул бы во многих местах.

Рассказ Стрикленда о мучениях, которые он испытывал в серые ночи, слушая, закутав голову попоной, музыку и смотря на освещённые залы «Бенмора», когда ноги его так и проносились танцевать вальс, довольно забавен. Теперь Стрикленд собирается написать книжку о пережитом. Эту книжку стоит купить, а ещё больше – изъять из обращения.

Таким образом, он служил верой и правдой, как Иаков служил, чтобы получить Рахиль, и отпуск его подходил к концу, когда произошёл взрыв. Он действительно сдерживался, как мог, видя ухаживания, о которых я упомянул, но, наконец, и его терпение лопнуло. Один старый, заслуженный генерал сопровождал мисс Югхель на прогулке верхом и начал особенно обидно ухаживать за ней, как бы желая показать, что «она ещё маленькая девочка». Женщине при этом трудно притвориться глухой, а постороннему слушателю есть от чего сойти с ума. Мисс Югхель дрожала от страха, что генерал говорит такие вещи в присутствии её саиса. Дулу – Стрикленд терпел, пока хватало сил, но, наконец, схватил лошадь генерала под уздцы и на чистейшем английском языке посоветовал ему замолчать, если он не хочет полететь вниз со скалы. Мисс Югхель заплакала, а Стрикленд понял, что бесповоротно выдал себя и погубил все.

Генерал чуть не упал в обморок, когда мисс Югхель, рыдая, рассказала ему историю мас-карада и сватовства, о котором её родители не хотели и слышать. Стрикленд был зол на самого себя, а ещё больше на генерала, принудившего его выйти из себя. Он не говорил ничего, но держал лошадь под уздцы, намереваясь ради удовлетворения поколотить генерала. Но, уразумев, в чем дело, и узнав, кто такой Стрикленд, генерал начал пыхтеть и подпрыгивать от смеха в седле. Он сказал, что Стрикленд заслуживает награду уже за то, что решился надеть попону саиса. Потом он начал бранить себя, говоря, что заслужил трёпку, но слишком стар, чтобы принять её от Стрикленда. После этого он поздравил мисс Югхель с таким поклонником. Вся эта история не казалась ему скандальной, потому что он был славный старичок, любивший поухаживать. Наконец, он ещё раз рассмеялся и назвал старика Югхеля дураком. Стрикленд выпустил узду лошади и спросил, не согласится ли генерал помочь ему и его невесте. Молодой человек знал слабость Югхеля к титулам и высокопоставленным лицам.

«Все это похоже на коротенький фарс, – сказал генерал, – но клянусь, помогу, хотя бы для того, чтобы избавиться от той ужасной трёпки, которой я заслуживаю. Отправляйтесь-ка домой, милый саис-полисмен, переоденьтесь в приличный костюм, а я поведу атаку на мистера Югхеля. Мисс Югхель, могу просить вас проехать домой и ждать?»

Минут через семь в клубе произошёл переполох: какой-то саис в попоне и чалме обращался ко всем своим знакомым с просьбой: «Ради Бога, одолжите мне приличное платье!» Так как никто не узнавал его, то произошёл целый ряд комических сцен, прежде чем Стрикленду удалось добиться горячей ванны с содой и достать у одного рубашку, у другого – воротник, у третьего – панталоны и т. д. Он поскакал к дому старого Югхеля, увозя на себе одежду, собранную у половины членов клуба, а под собой чужого пони. Генерал, в красном мундире и тонком бельё, опередил его.

Что говорил генерал, этого Стрикленд никогда не узнал, но Югхель принял его довольно вежливо, а мистрис Югхель, тронутая преданностью преобразившегося Дулу, была почти любезна. Генерал кипятился и клокотал, мисс Югхель вошла, и, прежде чем старый Югхель успел опомниться, родительское согласие было получено, и Стрикленд с мисс Югхель отправились послать телеграммы родным в Европе. Последней неприятностью оказалась встреча на бульваре с незнакомцем, который потребовал у Стрикленда своего пони.

Наконец, Стрикленд и мисс Югхель обвенчались, причём Стрикленду было поставлено условие – непременно бросить свои привычки и заняться обычными делами своего ведомства, которые лучше оплачиваются и ведут к переводу в Симлу. Стрикленд был тогда слишком влюблён в свою жену, чтобы нарушить слово, но это было для него мучительно, потому что улицы и базары со всем их шумом были полны особенного для него смысла и постоянно возбуждали в нем желание возобновить свои странствования и открытия. Со временем я расскажу вам, как он нарушил своё обещание, чтобы выручить из беды приятеля. Это было уже давно, и к тому времени он уже потерял способность к «охотам». Он забывает народный язык, песни

нищих, условные знаки и разные ходы в нижних туземных слоях, с которыми нельзя прерывать знакомства, если хочешь ходить по ним.

Но он прекрасно справляется со своей должностью в ведомстве.

Посчастливилось

Если вы выйдете за линию официальных приёмов, официальных ведомостей о производствах и официальных балов – за линию всех и всего, в кругу чего вы вращались в своей почтённой жизни – вы, в своё время, переступите пограничную черту, где исчезает последняя капля белой крови и широким потоком вступает в свои права чёрная. Легче разговаривать с новоиспечённой герцогиней, ещё находящейся под впечатлением торжественной минуты, чем с пограничным жителем: того и гляди, чем-нибудь нарушишь обычай или обидишь. Чёрные и белые постоянно сталкиваются в своей деятельности, причём иногда белые обнаруживают какое-то безграничное детское тщеславие – извращённое чувство национальной гордости, – а иногда вспышки происходят среди чёрных, сохраняющих, при доведённых до крайности унижении и покорности, свои полуязыческие обычаи и непонятную стихийную склонность к преступлению.

Мисс Веццис приехала из-за пограничной черты, чтобы присматривать за детьми одной леди, пока не прибудет настоящая нянька. Леди говорила, что мисс Веццис была плохая, грязная, нерадивая нянька. Леди никогда не приходило в голову, что у мисс Веццис могла быть собственная личная жизнь и дела, над которыми надо было подумать, и что эти дела для мисс Веццис были важнее всего на свете. Весьма немногие хозяйки способны на подобные рассуждения. Мисс Веццис была черна, как сапог, и, по нашим понятиям, безобразна. Она ходила в ситцевых юбках и стоптанных башмаках и, теряя терпение с детьми, ругала их на языке пограничной черты, составляющем смесь английского, португальского и туземного. Она не была привлекательна, но имела чувство собственного достоинства и предпочитала, чтобы её звали «мисс Веццис».

Каждое воскресенье она разряжалась в пух и прах и ходила в гости к мамаше, которая проводила большую часть своей жизни на старом бамбуковом стуле в засаленном капоте из полупрозрачной местной шёлковой материи, в кроличьей норе – доме, кишевшем Перьерами, Рибиерами, Лисбоасами, Гонзальвесами и целым населением тряпичников. Вся вонючая каморка, увешанная юбками на шнурках, была завалена объедками купленной на рынке провизии, чесноком, горами старья по углам, старыми бутылками, оловянными распятиями, фетишами, гипсовыми изображениями Пресвятой Девы и шляпами без доньшек.

Мисс Веццис каждую неделю препиралась с мамашей из-за процента, который должна была давать ей на хозяйство. Когда препирательства кончались, за низким забором, сложенным из грязи, показывался Михеле д'Крез и любезничал с мисс Веццис, и, по обычаю пограничников, очень церемонно. Михеле был худой, болезненный бедняк, тоже совершенно чёрный, но и у него было много собственного достоинства. Он ни за что не допустил бы, чтобы его увидели курящим хука, и смотрел на туземцев сверху вниз, как человек, у которого в жилах только семь девярых туземной крови. И семья Веццис тоже имела, чем гордиться. Она вела своё происхождение от мифического укладчика рельсов, работавшего на Сонском мосту, когда железные дороги были ещё новостью в Индии, и Веццис ценила своё английское происхождение. Михеле был телеграфист, получавший 35 рупий в месяц. И его пребывание на государственной службе заставляло мисс Веццис смотреть снисходительно на немногочисленность его предков.

Существовала примирительная легенда – Дон Ана, портной, принёс её из Пупани, – что чёрный еврей из Кохина как-то женился на одной из дочерей семьи д'Крез, а с другой стороны, не было ни для кого тайной, что один из дядей мисс д'Крез и в настоящее время служил поваром в одном из клубов Южной Индии. Он посылал м-с д'Крез по семь рупий ежемесячно, но она тем не менее глубоко чувствовала, как это унижительно для её семьи.

Через несколько воскресений м-с Веццис, наконец, решила закрыть глаза на все недостатки и дала своё согласие на замужество своей дочери с Михеле при условии, чтобы у него

было не меньше пятидесяти рупий в месяц для начала семейной жизни. Вероятно, такая изумительная предусмотрительность была наследством, перешедшим в её кровь от мифического укладчика рельсов, потому что представители пограничного населения считали для себя роскошью жениться, когда вздумается, а не когда можно.

Принимая во внимание существовавшие в ведомстве порядки, ставить такое условие бедному телеграфисту было все равно, что потребовать от него, чтобы он руками поймал луну. Но Михеле любил мисс Веццис, и это помогло ему ждать. Он сопровождал мисс Веццис к обедне по воскресеньям, а после обедни, идя по раскалённым пыльным улицам домой, клялся различными святыми, имена которых не интересны для вас, никогда не забыть мисс Веццис; а она, со своей стороны, клялась честью и святыми – клятва начинается словами и оканчивается тремя поцелуями: в лоб, левую щеку и губы – что она тоже никогда не изменит Михеле.

На следующей неделе Михеле перевели, и мисс Веццис оросила слезами подоконник вагона, в котором её жених уезжал со станции.

Взглянув на карту телеграфного сообщения в Индии, вы увидите длинную телеграфную линию, тянущуюся вдоль берега от Бекергенджа до Мадраса.

Михеле назначили в Тибасу, маленькую второстепенную станцию, приблизительно на второй трети этой линии к югу. Отсюда он отправлял телеграммы между Бергампуром и Чиволокой, а сам думал о мисс Веццис и изобретал способы, как бы заработать до пятидесяти рупий в часы, свободные от службы. До него доносился шум Бенгальского залива, и единственным товарищем его был бенгалец – бабу. Михеле посылал мисс Веццис сумасшедшие письма, с крестами, нарисованными внутри конверта.

Когда Михеле прожил в Тибасу около трех недель, произошёл случай, который оказался для него счастливым.

Не надо забывать, что если туземец не имеет беспрестанно перед глазами знаков нашего могущества, то он, как ребёнок, не способен понять, что значит власть и какую опасность влечёт за собой неповиновение ей. Тибасу – это маленькое захолустное местечко, все население которого состоит из многочисленных магометан племени орисса. Давно не видел сахиба – сборщика податей и относясь с полным презрением к помощнику судьи, индусу, они решили устроить маленький мятеж на свой страх и риск. Сначала индусы возмутились и разбили несколько голов, но затем, находя, что жить без закона куда приятнее, присоединились к магометанам и устроили бесцельное восстание, ради того только, чтоб посмотреть, до чего можно пойти. Они грабили друг у друга лавки и обычными способами выражали взаимную ненависть. Вышел отвратительный погром, однако не из таких, о которых пишут в газетах.

Михеле работал в телеграфной конторе, когда до него донёсся шум, который человек, услышав раз, уже не забудет в своей жизни – крики «а-ва!» расвирепевшей толпы. Когда этот звук спускается тона на три и превращается в глухое, низкое до, то человеку лучше, если он один, убираться подобру-поздорову. Старший полицейский из туземцев вбежал и сказал Михеле, что в городе мятеж и толпа бежит к телеграфной конторе, чтобы разгромить её. Бабу надел фуражку и преспокойно выпрыгнул из окна, между тем как полицейский инспектор, испуганный, но, повинувшись инстинкту, свидетельствующему о капле белой крови в его жилах, спросил:

– Какие будут указания, сахиб?

Обращение «сахиб» пробудило решимость Михеле. Несмотря на смертельный страх, он сознавал, что в настоящую минуту он, в числе предков которого находился кохинский еврей и дядя которого был поваром, – единственный представитель английского правительства здесь. Потом он подумал о мисс Веццис, о пятидесяти рупиях и решил взять на себя роль распорядителя. В Тибасу находилось семь туземных полицейских, у которых было четыре грязных гладкоствольных ружья. Все полицейские посерели от страха, однако подчинились команде. Михеле оставил ключ аппарата и вышел во главе своей армии навстречу толпе.

Когда ревущая шайка обогнула угол, Михеле отдал приказ выстрелить, и стоявшие позади него полицейские инстинктивно спустили курки.

Вся толпа – чернь самой чёрной кости – с криком бросилась бежать, оставив на месте одного убитого и одного смертельно раненного. С Михеле пот катился от страха, но он скрыл свою слабость и отправился прямо в город, мимо дома, где забаррикадировался помощник судьи. Улицы были пусты.

Михеле вернулся в телеграфную контору и отправил депешу в Чикаколу, прося подкрепления. Не успел он ещё получить ответ, как к нему явилась делегация из старшин Тибасу, от помощника судьи, который находил его поведение «неконституционным» и старался придаться к нему. Но в груди Михеле билось великодушное сердце белого человека, полное любви к мисс Веццис, бонне, и в первый раз отведавшее ответственности и успеха. Эти две причины составляют опьяняющий напиток и погубили, пожалуй, народа больше, чем виски. Михеле сказал, что помощник судьи может рассуждать, как ему угодно, но что до прибытия подкрепления телеграфист представляет собой индоостанское начальство в Тибасу, а старшины будут ответственны за дальнейшие буйства... Они склонили головы и сказали: «Будь милосерден!» или что-то в этом роде и ушли в страхе, обвиняя друг друга в начале погрома.

Рано на заре, прохладив со своими семью полисменами всю ночь патрулём по улицам города, Михеле выслал на дорогу людей встретить помощника податного, явившегося укрощать Тибасу. Но в присутствии этого молодого господина Михеле почувствовал, как он все больше и больше возвращался в своё первобытное состояние туземца. Рассказ, доведённый с большим усилием до конца, окончился истерическим потоком слез, вызванных сознанием, что он, Михеле, убил человека и что он не может уже испытывать подъёма духа, как в течение ночи, и досадой, что язык его не в состоянии выразить его подвигов. Белая капля иссякла в жилах Михеле, хотя он и не сознавал этого.

Но англичанин понял и, проучив тибасских мятежников, написал письмо, в котором описал поведение телеграфиста. Письмо дошло, куда ему следовало, и имело последствием перевод Михеле на другую государственную должность с жалованьем в шестьдесят шесть рупий в месяц.

Таким образом, свадьба мисс Веццис и Михеле состоялась с большой помпой и церемониями, и теперь уже несколько молодых Михеле бегают по верандам центральной телеграфной конторы.

Но если бы весь бюджет министерства, в котором служил Михеле, был назначен наградой, то и тогда он не был бы способен во второй раз проделать то, что он сделал однажды из-за любви к мисс Веццис, бонне.

Это служит доказательством того, что, если человек делает что-нибудь совершенно несоотносимое с получаемым им жалованьем, в семи случаях из девяти надо искать за такой добродетелью женщину.

В двух же исключениях причиной, вероятно, бывает солнечный удар.

Последствия

Бывают назначения в Симлу на год, на два и даже на пять лет, а есть – или, по крайней мере, бывали – и постоянные назначения, когда человек оставался на месте всю свою жизнь, наживая румяные щеки и кругленький доход. Конечно, в холодное время года позволялись отпуска, потому что в Симле в это время года тоска смертная.

Таррион прибыл Бог весть откуда – из какого-то захолустья в Центральной Индии, где, кажется, ездят на телках. Он принадлежал к какому-то полку, но более всего ему именно хотелось отделаться от этого полка и навсегда поселиться в Симле. Он не отдавал предпочтения никакому занятию в частности, лишь бы у него была добрая лошадь и хороший товарищ. Он думал, что может всякое дело делать хорошо – очень приятная уверенность, если человек держится за неё всем сердцем. Таррион кое-что знал, был недурён собой и умел – даже в Центральной Индии – устроить так, что всем бывало с ним приятно.

И вот он поехал в Симлу, и так как был неглуп и интересен, то, естественно, попал под покровительство м-с Хауксби, которая ко всему относилась снисходительно, кроме глупости. Однажды он оказал ей большую услугу, подделав приглашение на бал, на котором м-с Хауксби непременно хотелось быть; полковой адъютант, с которым она поссорилась, – человек мелочный – постарался послать ей приглашение на танцевальный вечер шестого вместо большого бала двадцать шестого. Подделка была сделана так искусно, что, когда м-с Хауксби показала свою пригласительную карточку адъютанту, он подумал, что сделал ошибку, и решил очень умно, что бороться с м-с Хауксби не стоит.

Она была благодарна Тарриону и спросила его, что она может сделать для него.

Он ответил просто:

– Я здесь не имею никакого поручения; я в отпуске и смотрю, не подвернётся ли что-нибудь. Во всей Симле у меня ни одного знакомого. Имя моё неизвестно никому, от кого зависит какое-нибудь место, а именно место мне нужно – надёжная хорошая должность. Я уверен, что вы можете сделать все, что пожелаете. Поможете вы мне?

М-с Хауксби задумалась на минуту, проводя кончиком хлыста по губам, как делала всегда, когда размышляла. Потом её глаза сверкнули, и она ответила:

– Помогу!

Они пожали друг другу руки. Таррион, вполне веря в великую женщину, не стал расспрашивать дальше, а только думал, какая должность выпадет на его долю.

М-с Хауксби начала мысленно перебирать начальников различных ведомств и членов совета, каких знала, потому что сама заинтересовалась игрой. Потом она взяла список гражданских должностей и просмотрела полагающиеся содержания. В этом списке есть великолепные жалованья. И вот м-с Хауксби решила, что хотя Таррион и слишком хорош, чтобы служить в полиции, однако она прежде всего попытается пристроить его туда. Нам нет дела до её личных соображений при этом, потому что счастье или судьба играли ей на руку, и ей только оставалось следить за ходом событий и пользоваться ими.

Каждому вице-королю, вступающему в должность, предстоит окунуться в омут секретной дипломатии или переписки. Со временем её становится меньше, но вначале каждому, как новичку, приходится пройти через этот искуc. Вице-королю, о котором идёт речь – это было давно, ещё до приезда лорда Дефферина из Канады, а лорда Рипона – из лона английской церкви, – приходилось очень плохо, и результатом было то, что люди, не привыкшие к хранению официальных секретов, ходили с самыми несчастными лицами, а вице-король гордился, что он сумел приучить свой штаб к сдержанности.

Высшие власти имеют неосторожный обычай поручать свои распоряжения печатным бумагам. Каких только секретов не доверяется этим бумагам – от уплаты 200 рупий за «сек-

ретную услугу» туземцу до правительственных выговоров веккилям и мотамидам туземных государств, причём рекомендуется им держать свои дома в порядке, не красть чужих жён, не засыпать глаза врагам красным перцем, вообще не позволять себе выходок подобного рода. Понятное дело, что подобные вещи нельзя передавать явно, потому что официально туземные властители непогрешимы, и, по официальным сведениям, их земли управляются так же хорошо, как английские. Точно так же назначение наград в частном порядке не всегда удобно публиковать в газетах, хотя и в них иногда попадаются довольно курьёзные известия. Когда высшие власти находятся в Симле, эти бумаги изготавливаются там и доставляются на дом по почте.

Сам принцип секрета был для вице-короля так же важен, как его выполнение, и он считал, что благожелательный деспотизм, вроде английского, не может терпеть даже таких мелочей, как, например, чтобы назначение последнего писца становилось известно раньше времени. Вице-король всегда был человек принципов.

В это время в канцелярии была заготовлена пачка очень важных бумаг. Они должны были пропутешествовать от одного конца Симлы до другого с рассыльным. Они были вложены не в официальный пакет, а в большой четырехугольный конверт бледно-розового цвета. И сами бумаги были написаны на мягкой министерской копировальной бумаге. Пакет был адресован Хип-Клерк, главному секретарю и т. д. Ну, конечно, между Хип-Клерк и м-с Хауксби с росчерком уж не такая большая разница, когда адрес написан плохим почерком, как было на этот раз.

Рассыльный, несший пакет, был не глупее большинства рассыльных. Он попросту забыл, куда надо отдать этот пакет, имевший вовсе не официальный вид, и поэтому спросил у первого попавшегося англичанина, как оказалось, очень спешившего. Англичанин, мельком взглянув на пакет и крикнув: «М-с Хауксби!» – поскакал дальше. Рассыльный послушался: пакет был последний из всех переданных ему, и ему хотелось поскорей отделаться от него. Разносной книги не было, поэтому он преспокойно передал пакет слуге м-с Хауксби и отправился курить с товарищем. М-с Хауксби ждала выкройки на копировальной бумаге от знакомой и поэтому, вскрикнув: «Ах, какая милая!» – она вскрыла пакет и все министерские бумаги посыпались на пол.

М-с Хауксби начала их читать. Я уже упомянул, что бумаги были важные. Для читателя достаточно знать это. Они относились к одной переписке, заключали неотложное приказание туземному главе, два важных распоряжения и с десяток других вещей. У м-с Хауксби дыхание перехватило, когда она читала, потому что первый взгляд на всю правительственную индийскую махинацию без прикрывающих её прикрас, лакировки и всяких ухищрений производит впечатление даже на самого глупого человека. А м-с Хауксби была женщина умная. Сначала она немного испугалась, как будто схватила спичку за горящий конец и не знала, что с ней делать. На полях бумаги стояли разные буквы и отметки, и некоторые примечания были даже суровее самой бумаги. Буквы относились к людям уже давно умершим или оставившим свою деятельность; но в то время они были всесильны. М-с Хауксби читала и, читая, спокойно думала. Она поняла всю важность своей находки и рассуждала, как лучше использовать её. Тут пришёл Таррион, и они вместе снова пересмотрели все бумаги. Таррион, не знавший, как они попали к м-с Хауксби, все больше убеждался, что м-с Хауксби – величайшая женщина на свете. И я думаю, что это правда, или почти правда.

– Честный путь всегда лучший, – сказал Таррион после полуторачасового обсуждения и разговоров. – Мне кажется, что справочный отдел был бы для меня самым подходящим. Или это, или министерство иностранных дел. Поведу осаду против великих богов в их капищах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.